

На тридцатилетие смерти социализма

10 августа 2021 / 09:09

Рост правого популизма в Восточной Европе сформировал то, что я называю новой осью зла - и ей необходимо объявить войну и победить

Спустя 32 года после падения социалистических режимов в Восточной Европе националистический консервативный популизм возвращается туда, чтобы отомстить: недавний поворот Венгрии, Польши, Словении и некоторых других постсоциалистических стран - я называю их новой осью зла - в консервативно-либеральном направлении беспокоит всех нас. Как могло случиться, что все пошло не так? Возможно, сейчас мы расплачиваемся за то, что исчезло из нашего поля зрения после того, как социализм был заменен капиталистической демократией. Исчез не социализм, а то, что опосредовало переход от социализма к капиталистической демократии.

Термин "исчезающий посредник", введенный несколько десятилетий назад Фредриком Джеймсоном, обозначает специфическую особенность процесса перехода от старого порядка к новому: когда старый порядок распадается, происходят неожиданные вещи, не только ужасы, упомянутые Грамши, но и яркие утопические проекты и практики. После установления нового порядка возникает новый нарратив, и в этом новом идеологическом пространстве медиаторы исчезают из поля зрения.

Возьмем один пример. В своей книге "Имматериализм" Грэм Харман цитирует пронзительное замечание о шестидесятих годах: "Нужно помнить, что шестидесятые годы на самом деле состоялись в семидесятые". Его комментарий: "Объект каким-то образом существует "еще больше" на этапе, следующем за его первоначальным расцветом. Марихуана, свободная любовь и внутреннее насилие драматичных шестидесятых в Америке в некотором смысле еще лучше проявились в безвкусных семидесятых".

Однако если присмотреться к переходу от шестидесятых к семидесятым, то можно легко увидеть ключевое различие: в шестидесятые годы дух вседозволенности, сексуального освобождения, контркультуры и наркотиков был частью утопического политического движения протеста, в то время как в семидесятые этот дух был лишен своего политического содержания и полностью интегрирован в гегемонистскую культуру и идеологию. Хотя, безусловно, следует поставить вопрос об ограниченности духа шестидесятых годов, который сделал эту интеграцию такой легкой, коли подавление политического измерения остается ключевой особенностью поп-культуры семидесятых. Это измерение было "исчезающим посредником", который позже исчез из поля зрения.

Я упоминаю обо всем этом потому, что переход к капитализму в восточноевропейских социалистических странах также не был непосредственным: между социалистическим строем и новым строем, либерально-капиталистическим

и/или националистически-консервативным, было много исчезающих посредников, которых новая власть пыталась стереть из памяти. Я был свидетелем этого процесса, когда распалась Югославия. Чтобы избежать недоразумений, у меня нет ностальгии по Югославии: война, опустошавшая ее с 1991 по 1995 год, была ее истиной, моментом, когда взорвались все антагонизмы югославского проекта. Югославия умерла в 1985 году, когда к власти в Сербии пришел Слободан Милошевич и нарушил хрупкий баланс, который поддерживал ее работоспособность.

В последние годы существования Югославии коммунисты, находившиеся у власти, понимали, что проиграли, и отчаянно пытались найти способ выжить как политическая сила во время перехода к демократии. Некоторые делали это, мобилизуя националистические настроения, другие терпимо относились к новым демократическим процессам и даже поддерживали их. Находившиеся в Словении у власти коммунисты проявили лояльность к панк-музыке, включая Laibach, и к гей-движению... (Кстати, они финансировали периодическое издание для геев, но после свободных выборов финансирование было закрыто - вновь избранный консервативный городской совет Любляны решил, что геи - это не культура, а образ жизни, который не нуждается в поддержке).

На более общем уровне, когда люди протестовали против коммунистических режимов в Восточной Европе, большинство из них имели в виду не капитализм. Они хотели социального обеспечения, солидарности, элементарной справедливости; они хотели право жить своей жизнью вне государственного контроля, собираться вместе и говорить, что им нравится; они хотели простой честности и искренности, освобожденной от примитивной идеологической индоктринации и циничного лицемерия... короче говоря, весьма смутные идеалы, которые руководили протестующими, были в значительной степени взяты из самой социалистической идеологии. А, как мы узнали от Зигмунда Фрейда, то, что подавлено, возвращается в искаженном виде. В Европе социализм, подавленный в воображении диссидентов, вернулся в обличье правого популизма.

Хотя по своему позитивному содержанию коммунистические режимы были неудачными, они в то же время открывали определенное пространство, пространство утопических ожиданий, которое, помимо всего прочего, позволяло нам измерить несостоятельность реально существующего социализма как такового. Когда диссиденты вроде Вацлава Гавела осуждали существующий коммунистический режим от имени подлинной человеческой солидарности, они (неосознанно, по большей части) говорили из места, открытого самим коммунизмом - вот почему они обычно так разочаровываются, когда "реально существующий капитализм" не оправдывает высоких ожиданий их борьбы с коммунизмом.

На недавно состоявшемся приеме в Польше один нувориш-капиталист поздравил Адама Михника с тем, что он является вдвойне успешным капиталистом (он помог уничтожить социализм, а также возглавляет высокоприбыльную издательскую империю); глубоко смущенный, Михник ответил: "Я не капиталист, я социалист, который не может простить социализму, что он не сработал".

Зачем упоминать об этих исчезающих посредниках сегодня? В интерпретации падения восточноевропейского коммунизма Юрген Хабермас оказался окончательным левым фукуямистом, молчаливо признающим, что существующий либерально-демократический порядок является наилучшим из возможных, и что, хотя мы должны стремиться сделать его более справедливым, мы не должны оспаривать его основные предпосылки.

Именно поэтому он приветствовал именно то, что многие левые считали большим недостатком антикоммунистических протестов в Восточной Европе: тот факт, что эти протесты не были мотивированы никаким новым образом посткоммунистического будущего. Как он выразился, революции в Центральной и Восточной Европе были просто "исправляющими" или "догоняющими" (*nachholende*) революциями; их цель - позволить этим обществам получить то, чем уже обладали западноевропейцы; другими словами, вернуться к западноевропейской нормальности.

Однако протесты "желтых жилетов" во Франции другие подобные протесты сегодня определенно НЕ являются догоняющими движениями. Они воплощают странный разворот, который характеризует сегодняшнюю глобальную ситуацию. Старый антагонизм между "простыми людьми" и финансово-капиталистической элитой возвращается с новой силой, когда "простые люди" выходят на протест против элиты, которую обвиняют в том, что она не замечает их страданий и нужд.

Однако новым является то, что популистские правые оказались гораздо более искусными в направлении этих недовольных в свою сторону, чем левые. Таким образом, Ален Бадью был полностью прав, сказав по поводу "жилетов": "*Tout ce qui bouge n'est pas rouge*" - все, что движется (вызывает волнения), не является красным. Сегодняшние популистские правые присваивают старую традицию народных протестов, которая была преимущественно левой.

Вот парадокс, с которым мы столкнулись: популистское разочарование в либеральной демократии является доказательством того, что 1989 год был не просто догоняющей революцией, он желал нечто большее, чем либерально-капиталистическая нормальность. Фрейд говорил о *Unbehagen in der Kultur*, недовольстве или беспокойстве в культуре; сегодня, спустя 30 лет после падения Берлинской стены, наблюдаемая новая волна протестов свидетельствует о своего рода *Unbehagen* в либеральном капитализме, и ключевой вопрос заключается в том, кто будет артикулировать это недовольство? Будут ли это националистические популисты? В этом и состоит большая задача для левых. Это недовольство не является чем-то новым. Я писал об этом более 30 лет назад в статье "Восточноевропейские республики Гилеада" (отсылка к "Рассказу служанки"), которая была опубликована в журнале *New Left Review* в 1990 году - позвольте мне процитировать себя: "Теневая сторона процессов, происходящих в Восточной Европе, состоит в постепенном отступлении либерально-демократических тенденций перед лицом роста корпоративного национального популизма со всеми привычными для него чертами, от ксенофобии до антисемитизма. Скорость этого процесса удивляет: сегодня мы находим антисемитизм в Восточной Германии (где евреев обвиняют в дефиците еды, а вьетнамцев – в дефиците велосипедов), в Венгрии и Румынии (где также продолжаются преследования венгерского меньшинства). Даже в Польше можно заметить признаки раскола внутри "Солидарности": рост националистическо-популистской фракции, которая приписывает "космополитической интеллигенции" (кодовое слово старого режима для евреев) провал мер, принятых недавним правительством".

Эта теневая сторона сейчас вновь проявляется с новой силой, и ее влияние ощущается в переписывании истории правыми: сначала исчезает социалистический характер борьбы против коммунизма (вспомните, что "Солидарность" была рабочим профсоюзом!), а затем исчезает даже либеральный аспект, так что появляется новая история, в которой единственной настоящей борьбой является борьба между коммунизмом и христианско-национальным наследием - или, как выразился премьер-министр Венгрии Виктор Орбан: "Нет никаких либералов, есть только коммунисты с университетскими дипломами".

7 июля 2021 года Орбан выкупил полосу в австрийской газете *Die Presse*, чтобы познакомить публику со своими взглядами на Европу. Его основные тезисы выглядели так: Брюссельская бюрократия действует как "супергосударство", которое защищает только свои собственные идеологические и институциональные цели - никто не уполномочивал Брюссель делать это. Мы должны отказаться от целей большей интеграции, потому что грядущее десятилетие принесет новые вызовы и риски, и европейцев нужно защитить от "массовых миграций и пандемий".

Эта пара ложная: иммигранты и пандемии не вторглись к нам извне, за то и другое мы сами несем ответственность. Без вмешательства США в Ирак и т.д. было бы гораздо меньше иммигрантов; без глобального капитализма не было бы пандемий; кроме того, именно миграционные кризисы и пандемии требуют укрепления европейского единства.

Новый правый популизм стремится уничтожить наследие европейской эмансипации: их Европа - это Европа национальных государств, стремящихся сохранить свою особую идентичность - когда пару лет назад Стив Бэннон посетил Францию, он закончил свою речь такими словами: "Америка прежде всего, да здравствует Франция!". Да здравствует Франция, да здравствует Италия, да здравствует Германия... но не Европа.

Значит ли это, что мы должны бросить все силы на реанимацию либеральной демократии? Нет: в каком-то смысле Орбан прав, подъем нового популизма - это симптом того, что что-то было не так с либерально-демократическим капитализмом, который Фрэнсис Фукуяма превозносил в качестве конца истории (сейчас Фукуяма поддерживает Берни Сандерса). Чтобы спасти то, что стоит спасти в либеральной демократии, мы должны двигаться влево, к тому, что Орбан и его соратники воспринимают как "коммунизм". Как такое возможно?

Сегодня в Европе мы имеем дело не с тремя позициями - популистской правой, либеральным центром и левой - в рамках одной универсальной политической дуги, которая тянется справа налево: каждая из трех позиций подразумевает собственное представление об универсальном политическом пространстве. Для либерала левые и правые - это две крайности, которые угрожают нашим свободам; если одна из них победит, то авторитаризм неизбежен - вот почему европейские либералы видят в том, что сейчас делает Орбан в Венгрии (его яростный антикоммунизм), продолжение тех же методов, что коммунисты использовали, когда были у власти.

Для левых правый популизм, конечно, хуже толерантного либерализма, но они воспринимают рост правого популизма как симптом того, что что-то пошло не так в либерализме, поэтому если мы хотим избавиться от правого популизма, мы должны радикально изменить сам либеральный капитализм, который сейчас превращается в неофеодальное корпоративное правление. Новые популистские правые используют вполне обоснованные жалобы простых людей на правление крупных корпораций и банков, которые прикрывают свою безжалостную эксплуатацию, господство и новые формы надзора над нашей жизнью фальшивой политкорректной справедливостью.

Для новых популистских правых мультикультурализм, MeToo, ЛГБТ+ и т.д. являются лишь продолжением коммунистического тоталитаризма, иногда хуже самого коммунизма - Брюссель является центром "культурного марксизма". Одержимость альтернативных правых культурным марксизмом свидетельствует об их отказе признать тот факт, что явления, которые они критикуют как последствия культурно-марксистского заговора (моральная деградация, сексуальная распущенность,

потребительский гедонизм и т.д.), являются результатом имманентной динамики самого позднего капитализма.

В книге "Культурные противоречия капитализма" (1976) Дэниел Белл описал, как необузданные силы современного капитализма подрывают моральные основы той самой протестантской этики, которая положила начало самому капитализму. В новом послесловии Белл предлагает небезынтересный взгляд на современное западное общество, от окончания холодной войны до взлета и падения постмодернизма, раскрывая важнейшие линии культурного разлома, с которыми мы сталкиваемся уже в XXI веке.

Поворот к культуре как к ключевому компоненту капиталистического воспроизводства и сопутствующая ему коммодификация самой культурной жизни обеспечивают расширенное воспроизводство капитала. Обратите внимание на творящийся повсеместно взрыв биеннале искусства (Венеция, Кассель...): хотя они обычно представляют себя как форму сопротивления глобальному капитализму и его тотальной коммодификации, по способу организации они являются высшей формой искусства как момента капиталистического самовоспроизводства.

Теперь понятно, почему мы должны помнить об исчезнувших медиаторах: сегодня глобальный капиталистический порядок снова приближается к кризису, и исчезнувшее радикальное наследие придется реанимировать.

[RT](#)

тэги

капитализм; СССР; Югославия; социализм; коммунизм; история;

читайте также

[По ту сторону неоконсервативного коммунизма](#)

[Быть ведьмой](#)

[Ленинизм сегодня](#)

[Против альтруизма. "Шоколадные слабительные" Гейтса и Сороса](#)

[Причудливый технопатриархат: репродукция](#)